

Неубедительным представляется предположение автора о возможности перевода в условиях рабовладельческой формации бань, театра и цирка на хозрасчет (стр. 100). Как известно, хозрасчет является социалистическим методом планового руководства предприятием, и допускать какую-либо возможность внесения элементов социалистической организации хозяйства в хозяйство рабовладельческое не приходится.

Несомненной положительной стороной рецензируемой работы является критика ряда ошибочных положений, выдвинутых А. П. Дьяконовым, и попытка автора дать более правильное решение этих вопросов. Эта часть работы является наиболее ценной.

Из изложенного видно, что хотя в работе М. Я. Сюзюмова собран значительный фактический материал и привлечено много еще не использованных в литературе указаний источников, — целый ряд принципиальных положений, выдвинутых автором, не может быть нами принят.

Г. Курбатов

R. JANIN. CONSTANTINOPLE BYZANTIN. DÉVELOPPEMENT URBAIN ET RÉPERTOIRE TOPOGRAPHIQUE,

**Institut français d'études byzantines, Paris, 1950
XXVII + 483 + 15 планов-карт**

Книга Р. Жанэна является четвертым выпуском серии Archives de l'Orient Chrétien, издаваемой тем самым Французским институтом византийских исследований, критический обзор деятельности которого был сравнительно недавно дан Б. Т. Горяновым в томе IV «Византийского Временника»¹.

Исследование, как видно из его заголовка, посвящено вопросам развития византийского Константинополя и его топографии. Предварительные заметки и статьи автора по отдельным вопросам топографии города печатались ранее в различных, главным образом периодических, органах. Рецензируемая книга является итогом чуть ли не 30-летней его работы.

В соответствии с подзаголовком она делится на две основные части: первая посвящена развитию города (стр. 7—282), вторая — топографии отдельных кварталов и местностей (стр. 285—472). Книге предпослано предисловие В. Лорана (I—XIII), ничем не восполняющее изложение автора; далее следует перечень источников и краткая библиография (стр. XV—XXIV). В конце имеется индекс греческих наименований и 15 планов-карт Константинополя и его окрестностей.

После краткого описания географического положения Константинополя автор в 17 главах касается следующих вопросов: развитие города — от его зарождения до времени Феодосия II (три главы), его районы, площади, памятные колонны, портики, ремесла, памятники (в одной главе), Большой дворец и другие дворцовые постройки (в трех главах), общественные здания, места зрелищ, водоснабжение, гавани и мосты, франкские колонии, городские стены (две главы).

Вторая часть подразделяется на восемь глав, рассматривающих отдельные кварталы и памятники по принципу географического расположения их в Константинополе и окружающих его местностях; в пределах каждой главы

¹ Б. Т. Горянов. Критический обзор журнала «Etudes byzantines» и «Revue des études byzantines» за 1943—1948 гг. ВВ, т. IV, 1951, стр. 159—171.

они описаны в алфавитном порядке; описание сопровождается кратким комментарием, перечнем источников, которые упоминают эти памятники, данными об их точном местонахождении и библиографией.

Рецензируемая книга представляет результат длительного и упорного труда, плод кропотливых разысканий, с привлечением мельчайших фактов, касающихся топографии Константинополя, почерпнутых из различных источников. Автор уточняет местоположение многих интересных и второстепенных памятников и определяет эти пункты на картах. Несомненно, труд Жанэна сыграет свою роль в дальнейшем развитии византистики в качестве полезного справочника. Однако советским историком он может быть использован лишь как сырой, первично обработанный материал.

Книга читается трудно не только во второй, чисто справочной, но и в первой своей части, в какой-то мере претендующей на синтез. По существу Жанэн, подобно многим своим собратьям — буржуазным историкам, избегает обобщений. В его труде отсутствует какая-либо попытка осмыслить собранный материал.

Несомненно, задача топографического изучения живого большого города осложнена невозможностью вести планомерное археологическое исследование. Лишь оно могло бы восполнить и оживить те фрагментарные сведения, которые мы в состоянии почерпнуть из письменных источников. Даже такой реакционный ученый, как Лоран, вынужден признать, что нынешнее турецкое правительство ни в какой мере не озабочено сохранением исторических памятников Византии, что тем более оно не содействует археологическим работам (стр. XI). Тем не менее и имеющиеся обрывочные данные раскопок и находок Жанэн не использует в достаточной мере.

В сущности вся первая часть не соответствует своему названию. Историческое значение Константинополя на разных этапах его жизни остается вне поля зрения автора. Развитие города обрисовано — да и то крайне бледно — лишь применительно к самым ранним периодам его жизни: начиная от неолита, автор переходит к Византии — мегарской колонии, к городу времени Септимия Севера и заканчивает характеристикой столицы Константина I и Феодосия II. Поскольку Жанэн понимает развитие не исторически, а узко топографически, он, исходя из того, что город при Феодосии II «достиг своего наибольшего распространения» (стр. 39) (если не считать некоторых незначительных добавочных строений преимущественно на противоположном берегу Золотого Рога), на этом периоде и останавливается. Далее он приводит лишь краткий перечень основных построек позднейшего времени и перечисляет самые крупные землетрясения и пожары.

Ярче других страницы 50—52, посвященные реконструкции облика и жизни одного из районов. Однако автор не делает выводов из тех фактов и явлений, о которых он сам говорит. Полностью отсутствуют вопросы социальной топографии, хотя сама планировка отдельных частей города, соотношение центральных и примыкающих к ним маленьких узеньких улиц, могла бы толкнуть на некоторые размышления. Отсутствие интереса к такой важной проблеме, как социальная топография, проявляется с особой яркостью в главе VII. Посвящая всего 4 страницы (96—100) вопросу о размещении ремесленников в городе, Жанэн не пытается осмыслить причины размещения различных профессий в той или иной части Константинополя. В этом отношении старая (далеко не совершенная) русская книга А. П. Рудакова¹ дает гораздо более полную и яркую картину жизни

¹ А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным греческой агнографии. М., 1917.

столицы империи — города, полного социальных противоречий, который К. Маркс называл «...главным центром роскоши и нищеты на всем Востоке и Западе»¹. А. П. Рудаков использует несравненно большее количество агиографических источников, которые иногда дают и достаточно точные топографические указания, а в других случаях как бы обобщает картину; одно только житие Андрея Юродивого содержит, как известно, множество любопытных фактов для характеристики константинопольского быта.

Глава VIII, посвященная Большому дворцу, немного добавляет к тому, что было известно ранее. Представляется, что здесь недостаточно использован материал раскопок недавнего времени, хотя ссылки на него кое-где имеются. Из числа мелких замечаний вызывает некоторое удивление приводимая автором, давно отвергнутая в науке, дата дворца в Мшатте, — якобы современного дворцу Диоклетиана в Спалато (стр. 109); не совсем понятно, почему обозначение дворца Мухрута, как «*περικλις δῶμος*» Жанэн переводит «турецкий дом» (стр. 122), когда в тексте Николая Месарита говорится совершенно определенно, что «постройка — дело руки не ромейской, не сицилийской» и т. д., «но персидской»².

С эпическим бесстрашием автор говорит о многочисленных тюрьмах (стр. 166—170), не делая из этого, как и в прочих разделах, никаких выводов.

Посвящая достаточное количество страниц вопросам водоснабжения города, автор и в этом случае пренебрегает всеми теми моментами, которые говорят о социальных контрастах; он не делает никаких выводов из того факта, что хорошее снабжение пресной водой дворцов, домов знати, церквей и монастырей сочеталось с острым недостатком в питьевой воде, который порой ощущало бедное население Константинополя; он не говорит о тех побоищах, которые, по словам хроники Феофана, иногда происходили около цистерн; не упоминается также известное свидетельство Лутпранда Кремонского, который жаловался на нехватку воды в городе и высмеивал тех константинопольцев, которые торговали пресной водой.

Говоря о цистернах, автор не упоминает о гипотезе, выдвинутой К. Вульцингером, предполагающим, что ряд сооружений, считающихся цистернами, служил субструкциями зданий дворцового типа³.

Никак не может удовлетворить советских читателей и та краткая характеристика «колоний франков», которая дана в главе XV. Устанавливая их местонахождение, отмечая на карте то кольцо, ту своеобразную блокаду внутри города, в которой оказалась византийская столица, зажата как в тиски итальянскими купеческими поселениями, — автор только вскользь упоминает об экономическом значении этого явления; он видит здесь прежде всего «вражду между двумя расами (? — А. Б.), усиленную религиозными противоречиями» (стр. 235). Насколько такая характеристика далека от исторической действительности, можно судить, например, по статье советского исследователя Е. Ч. Скржинской⁴.

Характерно, что, уделяя специальное внимание колониям «франков», куда наряду с итальянцами включаются немцы, провансальцы и даже испанцы, Жанэн не упоминает о роли русских купцов в Константинополе. Судя по библиографии, ему известны русские источники, имеющиеся во

¹ К. Маркс. Хронологические выписки, Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 193.

² A. Heisenberg. Nikolaos Mesarites. Würzburg, 1907, S. 44—45.

³ K. Wulzinger. Byzantinische Baudenkmäler zu Konstantinopel. Hannover, 1925.

⁴ Е. Ч. Скржинская. Генуэзцы в Константинополе в XIV в. ВВ, т. I, 1947, стр. 215—254.

французском переводе Хитрово, так же как статья Ж. Паргуара, посвященная русскому кварталу в столице Византии, но и этот материал им не использован.

Ссылки на работы русских — дореволюционных и советских — ученых вообще отсутствуют в книге Жанэна (за исключением исследования Д. Беллева), название которого искажено; вместо Byzantina, оно названо Byzantion (стр. XXII). Между тем, как известно, едва ли не первым в мировой науке исследованием византийского Константинополя была работа Н. П. Кондакова «Византийские церкви и памятники Константинополя», напечатанная в томе III Трудов VI Археологического съезда в Одессе, еще в 1886 г.; Жанэн не знает статей Г. С. Дестуниса¹, Г. Ласкина², А. П. Смирнова³ и др., не знает он и труда Г. Ласкина, который на 45 лет раньше проделал работу, во многом аналогичную рецензируемой. Напечатанная после смерти Ласкина под названием «Георгий Кодин. О древностях Константинополя» (Киев, 1905), она фактически является сводом примечаний к тексту Кодина, расположенных в алфавитном порядке; в связи с этим книге был придан подзаголовок: «Словарь древностей Константинополя». Конечно, в настоящее время, она нуждается в исправлении и дополнении на материале археологических исследований, но, разумеется, полная неосведомленность Жанэна о ее существовании является весьма крупным пробелом.

Этим подтверждается лишний раз необходимость знания русского языка для каждого византиноведа.

Подводя итоги всему вышесказанному, можно заключить, что рецензируемая книга страдает пороками, присущими вообще буржуазной науке нашего времени. Крупные проблемы, которые должны стоять перед историком, исследующим Константинополь, остаются незатронутыми. Ознакомление с книгой вызывает чувство сожаления: несмотря на огромный труд, затраченный исследователем, читатель тщетно будет искать в книге каких бы то ни было выводов. Голая «анатомия» города, лишенная характеристики сложных, изменявшихся на протяжении веков политических и экономических условий, не может дать настоящей картины жизни этого крупнейшего города средневековья. Разрешить эту задачу способна лишь та историческая наука, которая построена на основе марксистско-ленинской методологии.

А. В. Банк

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Во 2-м томе «Cahiers archéologiques», издаваемых А. Grabar (Paris, 1947), напечатана статья P. Lemerle. Sur la date d'une icone byzantine («О дате одной византийской иконы», стр. 129—132).

Речь идет о знаменитой византийской иконе Христа Пантократора, которая, действительно, «некогда хранилась в музее Александра III»

¹ Г. С. Дестунис. Очерки Константинополя (№ 1—2 «Вестника Русского географического общества», СПб., 1857); его же, Историко-топографический очерк сухопутных стен Константинополя (Труды VI Археол. съезда в Одессе, т. III) и другие работы, напечатанные в ЖМНП, ч. 219, 225, 250.

² Г. Ласкин. Заметки по древностям Константинополя, ВВ, т. III, IV, VI.

³ А. П. Смирнов. О времени появления Константинопольской ксилопорты, «Известия Рос. академии истории материальной культуры», т. II. СПб., 1922, стр. 139—144.

(Lemerle, p. 129), а сейчас, к сведению автора, находится в собрании Эрмитажа, где она в течение многих лет экспонировалась на выставке византийского искусства.

Задачей статьи П. Лемерля является установление даты иконы, которую автор правильно определяет периодом между 1360 и 1370 гг. Следует отметить, однако, что икона датирована 1363 г. уже очень давно и фигурировала с этой датой как на выставках Русского музея (см., напр., А. П. Смирнов. Памятники византийской живописи, Л., 1928, стр. 15, рис. 3, где говорится о том, что эта икона — вклад великого стратопедарха Алексея и великого примикирия Иоанна — «ценна своей относительно точной датой 1363 г., года построения вышеупомянутыми магнатами монастыря Пантократора на Афоне, куда была ими пожертвована»), так и на выставках Эрмитажа (см. Каталог Международной выставки памятников иранского искусства и археологии. Вып. 1, Л., 1935, стр. 462 или «Путеводитель по залам отдела Востока». Л., 1939, стр. 142).

Еще гораздо раньше Н. П. Кондаков отказался от своей прежней датировки иконы XV в., из опровержения которой исходит Лемерль, и отнес ее правильно к XIV в. («Изображение русской княжеской семьи в миниатюрах XI в.», СПб., 1906, стр. 76—77), хотя и не точно определил имена вкладчиков.

По тому же вопросу в том же 1906 г., после выхода книги Кондакова написал заметку G. Millet (*Dédicace d'icone*. BZ, vol. XV, 1906, p. 618—619), где уточняется как дата памятника — 1363 г., так и ее происхождение, в связи с правильным определением вкладчиков.

Следует также указать, что едва ли есть основания (как это делает Лемерль на стр. 129) сомневаться в том, что и на левом поле иконы, где сейчас сохранилась лишь надпись, в свое время имелось изображение второго вкладчика.

Все изложенное приводит к выводу, что П. Лемерль повторил уже давно проделанную работу и отверг много лет назад отвергнутую дату этого выдающегося памятника византийской живописи.

Зав. Византийским отделением Эрмитажа *А. В. Банк*

M. PALLASSE. ORIENT ET OCCIDENT. A PROPOS DU COLONAT ROMAIN AU BAS-ETPIRE

Lyon, 1950, p. 93.

Как ни много посвящено работ римскому колонату, проблема эта все еще привлекает внимание. Это вполне понятно, так как, в зависимости от того, как она освещается, определяется и отношение того или иного исследователя ко всему периоду поздней Римской империи. Только вскрыв характер эксплуатации колонатов, ее сходство и отличие от эксплуатации рабов, можно отдать себе отчет в причинах изменения государственных форм Римской империи, ее идеологической надстройки, а главное, в том новом, что определило грандиозный размах революционных движений в последний период существования античного мира. Работы некоторых советских античников позволяют предположить, что, в связи с развитием колоната, уже к концу III в. класс рабовладельцев превратился в класс крупных землевладельцев полурабовладельческого-полукрепостнического